

— ПОРА ВЫХОДИТЬ! — кричит моя мать с кухни.

Эти несколько слов приводят меня в состояние возбуждения и вместе с тем тревоги, и ни одной из этих эмоций не удастся взять верх над другой.

Я делаю глубокий вдох, а потом выдох такой силы, что в легких совсем не остается воздуха. Держа в руках последнюю сумку, я пробегаю глазами по своей комнате, чтобы убедиться, что ничего не забыла.

Сердце шемит. Я буду скучать по этому дому — безалаберному, но такому теплому и родному. Я буду скучать по матери — настолько же безалаберной, насколько теплой и родной. И по друзьям. Каждого из нас ждет свой собственный путь, и я уже знаю, что наша дружба осталась в прошлом.

Я покидаю комнату, закрыв за собой дверь с чувством легкой тоски, и выхожу из дома. Свежий ветерок обдувает лицо, забирая часть моей грусти. Стоит раннее утро чудесного сентябрьского дня. Кажется, будто все благоприятствует моему отъезду, даже боги.

Я сажусь в машину, где уже ждет мать, и пристраиваю сумку в ногах. Мать бросает на меня взгляд своих больших

голубых глаз, в которых плещется волнение, и заводит мотор.

Мой путь лежит не в престижную Колумбию, как мечталось моему отцу еще тогда, когда я сидела у мамы в животе. Я направляюсь в Мичиганский университет. Но это не из-за плохих школьных отметок, нет, а скорее потому, что у нас нет средств. Моя мать — бывшая наркоманка, и у нее слишком много долгов, чтобы оплатить мне учебу моей мечты, но я на нее не в обиде. Я знаю, какой трудной может быть жизнь. И поэтому мне не важно, сколько раз ей случалось нагревать кристаллы, чтобы вдыхать их пары. То, что действительно важно, — это что на сегодняшний день она уже давно завязала и совершенно здорова.

И вот после нескольких часов дороги, в течение которых она все говорила и говорила, в то время как я рассматривала проносящийся мимо пейзаж, она наконец заезжает на стоянку у факультета.

— Смотри, как тут красиво! — восклицает она.

Она права. Кампус просто великолепен. Газон с сочной зеленой травой заслуживает премии от муниципалитета. Он идеально подстрижен, без единой проплешины. Деревья тоже подрезаны, и чудесные вьющиеся растения покрывают стены гигантских зданий, а также каменные аркады, дышащие очарованием старины. Башни и высокие окна напоминают о загородных поместьях, куда уезжали для отдыха и развлечений дворяне в эпоху Возрождения.

Я отстегиваю ремень безопасности, и, пока открываю дверь со своей стороны, моя мать уже выходит на улицу. Вокруг много студентов, куда-то идущих с сумками и коробками в руках — по всей вероятности, на поиски комнат, в которых им предстоит жить в новом учебном году. Я сама сгораю от нетерпения поскорее найти мою и осмотреть ее, надеясь, что мне повезет с соседкой.

— Вон там регистрация!

Мать показывает пальцем на стол под навесом, за которым сидят пять человек.

Она кажется гораздо более взволнованной, чем я. Если бы поступить в университет не означало бы вместе с тем оставить ее одну, я бы, вероятно, прыгала от радости. В конце концов, я всегда об этом мечтала. Только вот она начала принимать наркотики из-за чувства одиночества после смерти моего отца, случившейся еще до моего рождения. И с того самого дня у нее, кроме меня, никого нет. Ни сестры, ни брата, никого из родственников со стороны отца, а ее собственные родители умерли уже очень давно. И хотя она никогда не сетовала на свою роль, я считала своим долгом быть всегда рядом и поддерживать ее. Мы с ней были вдвоем против всего остального мира, и так было всегда, с самого первого дня. Теперь же я не знаю, как будут развиваться дела, и поэтому у меня сосет под ложечкой.

Она сильная, повторяю я себе. Она гораздо сильнее кого угодно.

Легкая улыбка трогает уголки моих губ, когда я вспоминаю, с каким рвением она сражалась, будто бешеная львица, ради моего и своего счастья. Если бы в то время я не была всего лишь львенком, которого нужно было вылизывать, я бы точно так же, как и мать, быстро научилась показывать клыки, поддерживая и защищая свое потомство.

Чувствуя себя уже чуть более уверенно, мы направляемся к столику. Рыжеволосая женщина лет тридцати ободряюще мне улыбается.

— Направление и фамилия, имя?

— Филология. Лопес Авалон.

Она роется в металлическом ящике с регистрационными карточками студентов и, найдя мое имя, протягивает мне план кампуса вместе со связкой ключей. Ее вес в руке ощущается тяжестью грядущих изменений.

— Комната 307. Добро пожаловать в университет!

Приятная дрожь пробегает вдоль позвоночника, и я вежливо улыбаюсь собеседнице, а затем поворачиваюсь к матери, которая смотрит на меня с гордостью.

Взяв мои вещи из машины, мы отправляемся на поиски моей комнаты. Заходим в высокое здание из нештукатуренного камня, поднимаемся на третий этаж, проходим по коридору, стараясь не толкнуть случайно кого-то из студентов — все они тоже навьючены вещами, как ослы, — и доходим наконец до комнаты 307.

Мы всегда будем с ней вдвоем против всего остального мира, — повторяю я про себя, в то время как сердце отбивает барабанную дробь в груди.

Сделав глубокий вдох, вставляю ключ в замок и затем открываю дверь. Я не успеваю пройти и пары шагов вглубь комнаты, как какая-то девушка бросается мне на шею, в результате чего сумки и коробки валяются из рук на пол. Я стою неподвижно, почти парализованная этим столь неожиданным контактом — я не особенно склонна к тактильным коммуникациям с незнакомыми людьми, — и считаю про себя секунды до освобождения.

Наконец девушка отпускает меня, отойдя на несколько шагов, и я вижу перед собой ее улыбку, странным образом напоминающую улыбку Чеширского Кота из «Алисы в Стране чудес».

— Мне очень жаль, — говорит она, собирая мои вещи и складывая их на кровать. Вот уже два года как мне в соседях по комнате попадаются или полные придурки, или вообще какие-то сомнительные личности, и поскольку ты выглядишь вроде как нормальной... я так счастлива, у меня просто *камень с души свалился*.

Видя, в каком она замешательстве, я хихикаю, чтобы она перестала наконец смущаться.

Потом я бросаю украдкой взгляд на маму, кивающую с молчаливым пониманием. Она не показывала, однако

она тоже волновалась по поводу того, что неудачное соседство могло обернуться для меня какой-нибудь бедой. Тем не менее улыбка девушки передо мной прогоняет мои страхи. Соседка выглядит немного не от мира сего, но она не плохая.

— Меня зовут Лола, — представляется она, протягивая свою маленькую ладошку.

Я горячо пожимаю ее.

— Авалон. А это моя мать, Клэр.

Лола приветствует ее все той же ослепительной улыбкой, демонстрирующей все ее зубы, и мама улыбается ей в ответ, кладя на кровать последние оставшиеся у нее в руках сумки. Когда она обнимает меня и я снова чувствую, как щемит сердце, я понимаю, что ей хочется покончить с прощанием побыстрее, чтобы не дать мне слишком долго раздумывать и волноваться.

— В случае малейших проблем сразу звони мне...

— До сих пор я считала, что мать — это я!

Я смеюсь, хотя мне невесело. Она берет в руки мое лицо и целует меня в лоб, а потом проводит подушечками больших пальцев у меня под глазами — обычный ее жест.

— Я буду по тебе скучать. Буду скучать по твоему чудесному взгляду...

— И я по тебе, мама.

Она отступает на шаг, оглядывая меня с ног до головы, чтобы убедиться, что со мной все в порядке, и я пользуюсь этим, чтобы сделать то же в отношении нее, чтобы еще раз напоследок запечатлеть в памяти черты ее лица, полного горячей любви.

Она берет свою сумку, прощается с Лолой и исчезает за дверью с широкой улыбкой на лице.

— Пока, солнышко. Потом созвонимся, я тебя очень люблю!

Я открываю рот, однако слова замирают на кончике языка, а дверь за ней уже успевает захлопнуться.

Когда я завтра проснусь, между нами будет больше трех сотен миль, то есть около пяти часов езды на машине... но у меня нет машины.

В задумчивости я медленно поворачиваюсь к Лоле, исподтишка с любопытством следящей за каждым моим жестом.

— У тебя есть машина? — спрашиваю я.

Она энергично кивает, по-прежнему улыбаясь.

— А если случится так, что у моей матери возникнет какая-нибудь проблема и мне потребуется срочно поехать к ней в Индиану, ты мне ее одолжишь?

— А если случится так, что мне разобьет сердце какой-нибудь идиот, ты будешь вместе со мной есть мороженое и смотреть «Дневник памяти»?

Мы молча оценивающе смотрим друг на друга, как будто каждая пытается увидеть в другой то, что может дать дружба между нами. На моих губах уже готова появиться улыбка, но я ее прячу. Вместо этого склоняю голову набок.

— Только в том случае, если ты разрешишь мне надрать ему задницу на следующий день.

— Только в том случае, если ты разрешишь мне поехать с тобой, чтобы помочь твоей матери.

Я прищуриваюсь, стараясь сохранять серьезный вид, хотя ее ответ меня полностью устраивает. Лола дает мне понять, что дело только за мной и что, если я захочу, между нами может возникнуть крепкая дружба. Что ж, я отвечаю на ее заразительную улыбку и киваю ей, скрепляя наш договор.

Наступившая вслед за тем тишина позволяет мне осмотреться. Комната не слишком просторная, но милая. В ней две кровати, стоящие у противоположных стен, и два письменных стола, возвышающихся прямо напротив входной двери. По углам комнаты расположены шкафы, куда мы можем убрать одежду. Общие душевые не вызывают

приступа восторга. Однако, к большому облегчению, в нашем жилье есть собственный туалет.

Я поворачиваюсь к Лоле, которая сидит на кровати и разглядывает меня своими большими миндалевидными глазами, ерзая с таким нетерпением, как если бы она прилагала огромные усилия, чтобы сдержаться и не начать забрасывать меня вопросами. Что-то мне подсказывает, что она в любую секунду может не выдержать и лопнуть от любопытства, и поэтому я падаю на пружинный матрас и улыбаюсь ей, выражая готовность к сотрудничеству.

Она пулей соскакивает со своей кровати, чтобы устроиться на моей, примостившись рядом.

— Откуда ты?

Я удерживаю себя, чтобы не пошутить над тем жаром, с которым она бросилась задавать вопросы.

— Я из Мэдисона, а ты?

— Из Вашингтона!

О вашингтонцах говорят, что слово «работа» — единственное, что можно от них услышать. Если это относится и к Лоле, то для меня нет никаких проблем, поскольку я приехала сюда с намерением учиться и потом получить диплом, избежав при этом все возможные препятствия.

Мы с Лолой болтаем, пока я раскладываю вещи. Она учится на социологии, на третьем курсе, а потом хотела бы стать преподавателем. Ее родители все еще вместе после двадцати пяти лет брака, и у нее есть старший брат. Это очень живая, остроумная девушка, она заставляет меня хохотать до упаду. Вдобавок она совершенно очаровательна. У нее каштановые волосы и стрижка каре, которая ей необыкновенно идет. Под глазами и на носу у нее, как звезды на небе, сияют веснушки. А маленький рост и поистине крошечные ладошки делают ее просто прелестной.